

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; Kislizins@Yandex.ru)

ЧЕРКАСОВА Татьяна Павловна – доктор экономических наук, профессор; декан факультета политологии Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; trch@mail.ru)

КОНДРАТЕНКО Евгения Николаевна – кандидат политических наук, доцент факультета политологии Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70; zen2710@yandex.ru)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ, КОНТРЭЛИТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ФРОНДЫ В ПРОЦЕССАХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1921–1991 гг.

Аннотация. В статье авторы раскрывают черты и особенности развития науки в СССР, обусловленные пределами социально-политической системы и внутренней логикой развития интеллектуальной элиты, обеспечивавшей готовность страны к вызовам эпохи. Изучение феномена научного истеблишмента СССР на материалах репрезентативных биографий ученых позволяет сформулировать понятия научной контрэлиты и фронды, выявить их место в научном процессе на разных этапах развития советской страны. Механизм взаимодействия научной элиты и групп инакомыслящих ученых заключался не только в обмене результатами интеллектуальной деятельности, в совместных исследованиях, в публикационной активности, в создании совокупного научного капитала, но и в их в латентном, а иногда и непосредственном противостоянии. Деятельность старорежимных ученых, формирование большевистской интеллектуальной оппозиции, возникновение диссидентской контрэлиты и фронды ученых послевоенного периода связаны с политическими трансформациями в СССР. Решение задачи модернизации страны осуществлялось при временном ограничении свободы творчества лидеров научной контрэлиты вплоть до их изоляции. Государство финансировало актуальные исследования, активно поддерживало основную часть научной элиты, проявлявшую лояльность и эффективность. В период перестройки представители научной контрэлиты и фронды составили ядро массового демократического движения и обьявленной «революции менеджеров».

Ключевые слова: элита, контрэлита, фронда, элитогенез в науке, творческая интеллигенция, политическая история, науковедение

О понятии «научная контрэлита»

Разработанные Г. Моска, В. Парето, Р. Михельсом понятия «правящая элита», «контрэлита», «субэлита», «циркуляция элит», «железный закон олигархии» и др. являются исходными для анализа политического элитогенеза и стали методологическими постулатами для иных элит и субэлит. Феномен научной элиты нашел отражение прежде всего в трудах Л. Грэхэма, А. МакГрайт [Грэхэм 1991; McGrath 2002]. Сюжеты о научной интеллигенции в советской России имеются в работах Г.К. Ашина, П.В. Алексеева, Д.А. Александрова, Т.В. Агейчивой, А.Г. Берлявского, С.А. Богданчикова, О.В. Гаман-Голутвиной, М.Е. Главацкого, М.С. Геллера, Л.И. Ивановой, Н.Л. Кременцева, В.М. Макаренко, Л.А. Опенкина, В. Сойфера, В.Л. Соскина, С.А. Федюкина, С.Э. Шноль [Алексеев 1987; Сойфер 2002; Александров, Кременцев 1989; Геллер 1990; Комков, Левшин, Семенов 1974; Опенкин 1990; Наука и кри-

зисы... 2003; Наука в СССР.. 2014; Авдулов, Кулькин 1993]¹. История отечественной научной элиты раскрыта С.А. Кислицыным и Ю.Б. Нектаревской [Кислицын 2013].

Научной элитой считается функциональный тип интеллигенции, выполняющий функцию обеспечения духовного и интеллектуального развития общества. В ней выделяют информационно-когнитивную и научно-техническую, научно-управленческую общности, в которые входят выдающиеся ученые с подтвержденным мировым уровнем исследований [Интеллектуальная элита... 1994; Ракитов 1993]. Это сообщество специалистов, имеющих мировое или государственное (национальное) признание, добившихся признанных результатов в области научного знания, эффективно действующих в сферах организации науки, высшего образования, социально-политического консалтинга, обеспечивающих формирование парадигмальной системы научно-культурных символов и ценностей, обладающих высоким социальным статусом и моральным престижем, занимающих ведущие позиции в научной иерархии и постоянно взаимодействующих с политическими институтами. Принадлежность к элите определяется преимущественно индивидуальными научными достижениями в информационно-когнитивной плоскости, высоким местом в научной иерархии. Определенная часть научного сообщества во всех странах мира не всегда воспринимала государственные интересы как высшие объективные детерминанты и вступала в конфронтационные отношения с научным и в ряде случаев – с политическим руководством. Испытывая имманентную потребность оказывать интеллектуальное содействие развитию отечества, часть научной элиты вступала не только в информационно-когнитивные, но и в широкие социально-политические контакты. В ведущих странах мира осуществлялась разработанная в соответствии с требованиями социально-политической системы определенная модель взаимодействия политической, научной элиты и контрэлиты.

Достижения и недостатки, характерные черты и особенности развития научной элиты обусловлены возможностями имеющейся социально-политической системы и внутренней логикой развития интеллектуальной элиты.

Для государственного сциентизма характерна ориентация на национальные интересы и приоритетное развитие отраслей науки, обеспечивающих решение актуальных политических задач. Этой тенденции противостоит определенная часть представителей научной элиты, которая не воспринимает государственные интересы той или иной страны как высшие объективные детерминанты и вступает в прямые конфронтационные отношения с научным, а в ряде случаев – и с политическим руководством. Занимаясь специальным научным творчеством, такая группа ученых не только рефлексировала состояние науки, но обращает критическое внимание на социально-политические процессы, дает им оценки и формулирует собственные предложения по их совершенствованию. Эту достаточно активную часть инакомыслящих крупных ученых мы называем научной контрэлитой, подчеркивая ее относительно оппозиционный характер. Между научно-политической элитой и научной контрэлитой нет китайской стены, периодически происходит их обновление, возможна частичная циркуляция. Учитывая существование такой страты, государство создало в системе организации и управления наукой определенный механизм взаимодействия провластных научных элит и контрэлитного (диссидентского) научного сообщества, который в СССР прошел несколько стадий своего развития.

¹ Наука в СССР и в России. Экономический анализ. Доступ: <http://www.sibai.ru/nauka-v-sssr-i-v-rossii.html> (проверено 04.09.2021).

Формирование большевистского сциентизма в 1920-х гг.

Научной контрэлитой в условиях формирования новой экономической политики в 1920-х гг. была старая буржуазная интеллигенция и ведущие ученые. Отношение к Октябрьской революции в старой научной среде было в целом осторожно-негативным, что было предопределено объективно, т.к. ставился под вопрос сам элитарный статус ученых. Кроме того, научные исследования в условиях революционных преобразований становились проблематичными. На годичном собрании Российской академии наук, состоявшемся 29 декабря 1917 г., ученые заявили, что темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на путь гибели. Вместе с тем было заявлено, что работающие в Российской академии наук, невзирая ни на что, работали, продолжают работать и будут работать для Родины и науки. Новую власть открыто поддержали очень немногие крупные ученые: Д.Н. Анучин, А.Н. Бах, В.П. Вологодин, В.И. Вернадский, И.М. Губкин, Н.Е. Жуковский, Р.Э. Класксон, П.П. Лазарев, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов, К.А. Тимирязев, В.Н. Тонков и некоторые другие [Иванова 1980: 22].

Отношение ученых к советской власти развивалось следующим образом: растерянность и саботаж части специалистов (октябрь 1917 г. — весна 1918 г.), установление делового сотрудничества и признание советской власти (1918—1923 гг.) и массовый переход на советскую платформу в период нэпа (1923—1927 гг.) [Иванова 1980: 379]. С позиций новых архивных источников эта периодизация выглядит несколько иначе, т.к. «массового перехода» в буквальном смысле слова реально не наблюдалось. Ведущие представители большевистской верхушки, принадлежавшие к интеллигенции по происхождению и роду деятельности, тяготели в известной степени к научному анализу действительности, естественно, в русле марксистской социально-классовой парадигмы [Кислицын 1995]. Но, переоценивая свои возможности и таланты, а также значение марксизма как суперуниверсальной методологии, лидеры большевизма отнеслись к российской научной элите достаточно утилитарно — в лучшем случае, как к вспомогательному фактору. Та часть научной элиты, которая не имела отношения к конкретному научно-техническому процессу, а занималась гуманитарным изысканиями и критикой большевизма, подвергалась остракизму. Принудительный отъезд из страны группы ученых-гуманитариев на «философском пароходе» в 1922 г. хотя и спас ученых от будущих репрессий, но обозначил начало подавления научной контрэлиты.

Научной контрэлитой в это время были оставшиеся в стране лояльные власти, но сомневающиеся в ее политике представители старого профессорско-преподавательского корпуса — так называемые буржуазные специалисты. В целях подчинения научных кадров политике организовывались репрессии старой элиты, например в рамках «шахтинского дела», «академического дела». Партийно-советское руководство было убеждено гносеологически во вредительстве и предательстве технических «спецов» буржуазной выучки. В стране осуществлялся активный поиск новых врагов, уклонов, блоков оппортунистов, вредителей, инакомыслящих, пассивных попутчиков, «разложившихся» и др. К ним стали относить и старых ученых, придерживавшихся небольшевистских взглядов. В 1930 г. по делу Трудовой крестьянской партии осудили А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юровского, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева, Л.Н. Литошенко, Л.Б. Кафенгауза. В декабре 1930 г. состоялся процесс Промпартии, по которому прошли ученые Л.К. Рамзин, И.А. Калинин, В.А. Ларичев, Н.Ф. Чарновский и др. Громким был судебный процесс Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков) над 14 экономистами,

среди которых были В.Г. Громан, А.М. Гинзбург, Н.Н. Суханов, В.В. Шер, В.К. Иков и др. Процесс уничтожения старой научной контрэлиты набирал обороты.

В составе номенклатурной элиты правящей Коммунистической партии на этапе утверждения большевистского режима в политической системе СССР существовала интеллектуальная прослойка. В отличие от старых ученых, являвшихся традиционной научной контрэлитой по всем параметрам, большевики-интеллигенты были в постоянном поиске новых вариантов развития страны, что проявилось в создании платформ различных оппозиций. Они становились центрами притяжения для образованной части большевистской молодежи, создавая свои «школы» и группы единомышленников (бухаринская «школа молодых профессоров»). Яркими примерами большевистской политической «околонаучной» контрэлиты являются видные деятели партии и крупные интеллектуалы А.А. Богданов, В. Бонч-Бруевич, Л.Б. Каменев, В.И. Невский, Д.Б. Рязанов, К.Б. Радек, А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, Г.М. Кржижановский, Е.А. Преображенский, Х. Раковский, И. Скворцов-Степанов и др. Большинство из них были репрессированы. Соратник Ленина, крупный ученый-экономист Н.И. Бухарин сформировал обновленную концепцию новой экономической политики и был позднее уничтожен сталинизмом как правый уклонист и организатор «правотроцкистского блока».

Подчинение тоталитарным режимом научной контрэлиты в 1930–1950-х гг.

В период форсирования индустриализации сталинский режим стал требовать конкретной отдачи от научных исследований, причем в первую очередь осуществления прикладных, конструкторских разработок, ориентированных на немедленное внедрение в производство. Это означало, что научная политика правящей партии не только отводила второстепенное место фундаментальной науке в плане финансирования, но и придавала соответствующее приниженное значение ее лидерам с учетом того, что основная часть научной элиты была настроена достаточно сдержанно-негативно по отношению к власти. Этот подход проявился в характерном высказывании В.М. Молотова, который, имея в виду выдающегося авиаконструктора дореволюционной заправки А.Н. Туполева и ему подобных, говорил, что такая часть интеллигенции «очень нужна Советскому государству, но в душе они – против, и по линии личных связей они опасную и разлагающую работу вели, а если даже не вели, то дышали этим». Да они и не могли иначе! [Куликова, Ярушкина 1999: 97]. Молотов объяснял эту позицию и с классового точки зрения: «В значительной части наша русская интеллигенция была тесно связана с зажиточным крестьянством, у которого прокулацкие настроения, страна-то крестьянская... Тот же Туполев мог стать и опасным врагом. У него большие связи с враждебной нам интеллигенцией... Туполевы – они были в свое время очень серьезным вопросом для нас. Некоторое время они были противниками, и нужно было время, чтобы приблизить их к советской власти... Теперь, когда Туполевы во славе, это одно, а тогда ведь интеллигенция относилась отрицательно к советской власти! Вот тут надо найти способ, как этим делом овладеть. Туполевых посадили за решетку, чекистам приказали: обеспечивайте их самыми лучшими условиями... но не выпускайте! Пускай работают, конструируют нужные для страны вещи, это нужнейшие люди» [Власть и общество... 1999: 127].

Вопрос о продлении командировок выдающимся ученым В.Н. Ипатьеву и А.Е. Чичибабину решался на уровне Политбюро ЦК ВКП(б). Партийные органы регулировали выборы в Академию, указывали на необходимость исключения из академии тех или иных «провинившихся». «Обновленная» с

помощью репрессий и рекрутирования сталинских выдвиженцев научная элита, институционализируемая в государственной Академии наук, была теперь признана необходимой. Она в принципе доказала это власти, приняв предложенные условия взаимодействия и развернув выполнение социального заказа в науке. Даже вечно недовольные властью фрондирующие академики И.А. Каблуков, Н.Д. Зелинский, В.А. Обручев, В.В. Виноградов, С.А. Чаплыгин, А.А. Крылов и др. согласились на эти условия. В то же время были репрессированы физики Б.М. Гессен, А.И. Лептунский, Л.Д. Ландау, В.А. Фок, астрономы Н.И. Днепровский, И.А. Балановский, Н.В. Комендантов, Е.Я. Перепелкина, генетики Н.А. Вавилов, Г.Д. Карпеченко, Л.И. Горов, Г.А. Левитский, К.А. Фляксбергер, Н.В. Ковалев, А.И. Мальцев. По делу «русской национальной партии» были арестованы свыше 100 чел., в т.ч. ученые. Жертвами репрессий стали академики Н.И. Бухарин, Н.И. Вавилов, Н.П. Горбунов, Н.М. Лукин, И.К. Луппол, Г.А. Надсон, В.В. Осинский, Д.Б. Рязанов, А.Н. Самойлович, Н.М. Тулайский. Содержались в заключении Гребенщиков, Е.Э. Бертельс, П.А. Вальтер, А.А. Ильин, Б.Л. Исаченко, Н.И. Конрад, Ю.А. Крутков, А.И. Некрасов, Б.Б. Полюнов, Е.К. Тимченко, А.Н. Туполев, Н.М. Федоровский. Всего были репрессированы 45 академиков и 60 членов-корреспондентов Академии наук СССР¹. Советская научная контрэлита была в основном уничтожена, ее уцелевшие остатки замерли в ожидании перемен.

Во время Великой Отечественной войны и послевоенный период проследивалась максимальная этатизация советской научной элиты и контрэлиты в рамках административно-командной системы управления наукой. В этот период выяснилась резко деструктивная роль репрессирования в 1930-х гг. ряда видных ученых и конструкторов, и уцелевшие ученые были возвращены в строй науки. Государство активизировало научную деятельность, на время прекратив идеологические разборки с инакомыслящими. Деятельность И.В. Сталина и Л.П. Берия по управлению наукой носила крайне противоречивый, можно сказать, внутренне антагонистический характер. С одной стороны, форсировался атомный проект, ракетная отрасль и в целом вся оборонная наука, с другой — жестко контролировалось общественное сознание, запрещалось преподавание в вузах якобы буржуазных лженаук, таких как генетика, кибернетика, геополитика и др. При этом сами науки функционировали в закрытом режиме в специнститутах и лабораториях, что снижало их эффективность и продуктивность. Официальная идеология и практика сталинско-большевистского режима строилась на убеждении в абсолютной правильности классового подхода в науке, курса на укрепление административно-командной системы и на отказе от признания исключительной роли научной элиты, уникальности незаменимых гениев. В итоге режим власти Сталина вынужденно ускорял НТП в избранных отраслях науки и в то же время тормозил его в остальной научной сфере, выполняя таким образом функцию «научной контрреволюции».

В конце 1940-х гг. оживилась научная контрэлита, проявившая себя в ходе дискуссии среди биологов, физиков, кибернетиков, экономистов, философов, историков. Острой была дискуссия по проблемам биологии, в ходе которой руководитель академии сельскохозяйственных наук Т.Д. Лысенко расправился с санкциями ЦК ВКП(б) с академиками А. Жебраком, П. Жуковским, Л. Орбели, А. Сперанским, И. Шмальгаузенем. Подвергался критике Г.Ф. Александров за терпимость к идеалистической, буржуазной и декадентской философии.

¹ Репрессированная наука. Ученые, уничтоженные в СССР. Доступ: https://bessmertnybarak.ru/article/repressirovannaya_nauka/ (проверено 04.09.2021).

фии. Шельмованию подверглись труды И.И. Минца, Н.Л. Рубинштейна, Б.Е. Штейна, Е.В. Тарле, А.С. Ерусалимского, Л.И. Зубок. Академика А.М. Деборина подвергали гонениям за некий «меньшевистствующий идеализм». В 1950 г. Сталин лично принял участие в дискуссии по проблемам языкознания, которая в реальности стала местом для рассмотрения вопроса о соотношении базиса и надстройки, об укреплении роли государства в коммунистическом строительстве. Экономические дискуссии были завершены догматической работой Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», закрепляющей курс на огосударствление экономики.

Следует отметить, что в сфере науки трудились представители номенклатурной прослойки «аппаратчиков-интеллектуалов», куда входили Г.Ф. Александров, Л.Ф. Ильичев, Г.П. Францев, А.М. Румянцев, П.Н. Федосеев, К.В. Островитянов, П.Н. Поспелов, Е.С. Варга, П.А. Сатюков, П.Ф. Юдин, Ф.В. Константинов, А.М. Егоров, М.Б. Митин и др. [Социальные науки... 2005: 62]. В отличие от Бухарина и его школы, большинство из них нельзя считать полноценной научной элитой, скорее партийными функционерами с научной подготовкой, но на разных этапах своей карьеры они эффективно занимались профессиональной научной и преподавательской деятельностью, в отдельных случаях – выходили за пределы нормативного знания. Примером такого сочетания являются биографии опальных членов Политбюро и ученых Д.Т. Шепилова, Н.А. Вознесенского, известного химика и обществоведа, крупного организатора науки на Дону и Северном Кавказе Ю.А. Жданова [Кислицын 2014].

Как показывает анализ реального взаимодействия политики и науки в 1930–1950-х гг., научная элита, особенно та ее часть, которая работала над оборонными проектами, была действительно включена в номенклатурный привилегированный слой, который в итоге приобрел некоторые технократические черты. В целом же политическая система сталинизма обеспечила политико-идеологический диктат правящей политической верхушки над научной элитой, и особенно над контрэлитой, и одновременное рациональное административное управление в системе ВПК, что привело к весьма противоречивым результатам в разных отраслях науки.

Советский сциентизм в период «развитого социализма»

Научная контрэлита заметно проявила себя в период десталинизации, стабилизации и стагнации партийно-советской политической системы в 1960–1970-х гг. Ведущие деятели номенклатурного политического режима Н.С. Хрущев и Л.И. Брежнев не были «научными контрреволюционерами», массовыми репрессиями ученых не занимались, но сущность эпохи новой научно-технической революции они недопонимали и ставили научные цели сугубо конъюнктурно и прагматически. При этом они стремились сохранить контроль над научной элитой и, естественно, над контрэлитой.

В 1962 г. среди интеллигенции распространилась в списках книга Жореса Медведева «Биологическая наука и культ личности. Из истории агробиологической дискуссии в СССР». Большой интерес и недовольство правителей вызвала рукопись книги социалиста-диссидента Роя Медведева о сталинизме «Перед судом истории», в которой шла речь и о репрессированных ученых. Книги братьев Медведевых, которые вышли на Западе, вызвали крайнее беспокойство в ЦК КПСС, который активно готовил попытку реабилитации Сталина к 90-летию со дня его рождения. В 1970 г. Рой Медведев выпустил на Западе в советском «самиздате» книгу «Социализм и демократия», в которой предложил проект демократизации СССР, ликвидации монополярной власти

КПСС, создания лояльной к социализму политической оппозиции. В научном мире получил широкую известность публичный демарш Сахарова – выступление против избрания академиком Н.И. Нухина – участника гонений на генетику и протезе Т.Д. Лысенко. А.Д. Сахаров уже в начале 1970-х гг. стал фактическим лидером оппозиционного «правозащитного движения» в Советском Союзе [Медведев 2002].

Хотя репрессии типа сталинских в науке в этот период отсутствовали, власть реально и конкретно стесняла и ограничивала публикации научных трудов тех ученых, которые предлагали концепции, которые не соответствовали мнению отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС. Среди таких ученых были философы А.Ф. Лосев, М.М. Мамардашвили, социолог Д.А. Левада, историки П.В. Волобуев, В.П. Данилов, Р.А. Медведев, теоретик проблем управления Г.П. Щедровицкий, экономист Г.С. Лисичкин, литературоведы М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман и др. [Лосик, Лебедева 1990: 168]. Эту ситуацию подробно описал в своих теоретических мемуарах выдающийся советский логик А.А. Зиновьев, ставший диссидентом и изгнанный из СССР. Он, в частности, писал, что «именно интеллигенция представляет наиболее активную часть в оппозиции к той или иной политике властей» [Зиновьев 2005: 360].

Широкую известность получили философы из МГУ И.Т. Фролов, М.Л. Титаренко, Н.Б. Биккеннин, Л.Н. Митрохин, П.В. Копнин, С.Р. Митрохин, Н.И. Лапин, В.А. Лекторский, А.А. Гусейнов, П.П. Гайденок, М.М. Мамардашвили, Б.А. Грушин, В.Н. Садовский, Э.В. Ильенков и многие другие. Философский факультет МГУ даже заподозрили в подготовке диссидентства. В каждой отрасли научного знания были известные, нестандартно мыслящие исследователи. Из мемуаров А.Д. Сахарова известно, что в среде научной элиты существовали серьезные разногласия, но они, как правило, не выходили за пределы наукоградов, а крайнем случае, разрешались на закрытом уровне ЦК КПСС и правительства. Например, группа Л.Д. Ландау, которая принимала участие в математическом обеспечении расчетов по созданию атомной бомбы, выступала против создания новой водородной бомбы. Ландау сравнивал политический режим в СССР с фашистским, а себя именовал «ученым рабом». Он и его единомышленники предпочитали «модель полицейского с огромной пушкой (США), который держит под прицелом грабителя с ножом (СССР). С их точки зрения, подобная модель была предпочтительней, устойчивее, хотя с нынешней точки зрения большинства физиков такая устойчивость сомнительна» [Горобец 2006: 174]. Но его никто не тронул, т.к. он, в отличие от Сахарова, эти оценки формулировал в узкой среде. Многие из «правозащитников», т.е. оппозиционеров, принадлежали к среднему уровню науки – были профессорами вузов и научными сотрудниками, крупными интеллектуалами, которые имели ученые степени и звания, но не были действительными членами АН СССР. Это А.С. Вольпин-Есенин, Л.И. Богораз-Брухман, П.И. Якир, П.М. Литвинов, И.Я. Габай, Т.А. Венцлова, К.И. Бабицкий, Ю.Ф. Орлов и др.¹ В среде ученых сформировалась «форсированная моральность отчуждения», которая определяла оппозиционное отношение интеллектуалов к политической власти и нетерпимость к советским социальным порядкам. В 1970-е гг. сообщество ученых было достаточно дифференцировано на тех, кто непосредственно обсуждал власть, на участников этого процесса при сохранении критической дистанции и отстраненные элементы. Конфликт между различными группами научной элиты выражался в т.ч. в острой полемике по вопросам,

¹ Крамола. *Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982*. Рассекреченные документы Верховного суда и прокуратуры СССР. М. 2005.

которые внешне не имели отношения к власти, например по вопросам эстетики, искренности в литературе и т.д. [Социальные науки... 2005: 52].

Крупный представитель советской научно-политической элиты Е.М. Примаков считал, что ряд ученых, работая внутри политической системы, являлись полудиссидентами, которые выступали не только против господствовавших идеологических догм, нелепых анахронических представлений в области официальных теоретических постулатов. К внутрисистемным диссидентам он относит академика А.М. Румянцева, который, в частности, превратил редколлегию журнала «Проблемы мира и социализма» в центр инакомыслия [Примаков 2007: 29].

Инакомыслие в науке является значительно более сильным двигателем прогресса, чем в политике, т.к. является объективным и имманентным качеством подлинно интеллектуального мышления. Однако в партийной среде с большим сомнением относились к альтернативным проектам, перенося свое отношение к политической оппозиции на научную. В свою очередь, консервативная часть научных лидеров либо не понимала оппонентов и отстаивала свой приоритет, либо конъюнктурно опасалась за свое место в руководстве наукой и в итоге тормозила развитие инновационных концепций. Получила известность история с Л.Н. Гумилевым, книги которого «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь», «География этноса в историческое время», в которых была обоснована уникальная пассионарная теория этногенеза, были выброшены из планов издательств. Философ-диссидент П.М. Абовин-Егидес предложил новую концепцию социалистического самоуправления, которая также была отвергнута. Гонениям подверглись ученые, предложившие инновационные проекты развития отраслей знания, например И.Д. Ермаков – психоанализа, Н.И. Вавилов – новой биологии, А.И. Кетов – кибернетики, М. Петров (Ростов на Дону) – немарксистскую концепцию истории античной философии и др. Кроме того, возникла целая научная фронда – ученые, занимающиеся «чистой», неидеологизированной наукой и также формировавшие новые подходы. Это Н.В. Тимофеев-Ресовский, Б.П. Белоусов, А.Л. Чижевский, В.А. Крылов, Г.И. Роскин, А.О. Парнас, П.Л. Капица, А.Р. Жебрак, И.О. Раппопорт, Г.М. Франк и др.

А.Д. Сахаров и Ю. Орлов сформулировали концептуальную идею об опасном интеллектуальном отставании СССР по сравнению с развитыми странами, что обуславливалось его идеологической нетерпимостью к современным направлениям научной мысли, к сложному мышлению и непредвзятой оценке опыта проблемного развития квантовой физики, генетики, цитологии, кибернетики.

М.К. Петров сформулировал представление о том, что в СССР даже сложился целый «феномен научно-технической контрреволюции». Главным агентом этого явления является само государство, поскольку заставляет науку обслуживать свои цели и защищает общество от ее обновляющего воздействия. Постановка вопроса о «научно-технической контрреволюции» предполагает существование «научных контрреволюционеров» – лидеров такого государства. Однако при этом отрицается позитивное значение стремления правящей партии и государства в целом развивать научно-технический прогресс в интересах всего народа и советской субцивилизации. Такой подход фиксирует исключительно насильственную роль государства в управлении советской наукой, в результате чего возникает примитивное противопоставление «героев» и «злодеев» советской науки, а большинство советских ученых попадают в унижительный разряд «научных коллаборационистов» или «конформистов» [Шноль 2018].

Наличие искренне преданного советской власти большинства научной

интеллигенции доказывается всей историей отечественной науки, которая является имманентной частью советского общества. Такие великие ученые, как И.В. Курчатов, М.В. Келдыш, С.П. Королев, А.П. Александров, А.Н. Туполев, А.Н. Несмеянов, Ж.И. Алферов и др., ставили во главу угла развитие научного знания на благо страны и принимали основные социальные и политические основания советского строя. Жорес Алферов заметил, что «физика советской или антисоветской не бывает. Но была советская наука с ее высочайшими достижениями. <...> Мы с самого начала ставили перед собой задачу создания мощной индустриальной державы. <...> После войны, когда приняли решение о работах по атомному проекту, было также принято постановление правительства о развитии науки и высшего образования. Да, ядерной физике и разработке ядерного оружия уделялось особое значение, но приоритетом была вся наука!»¹ Вместе с тем в концепции научно-технической контрреволюции есть рациональное зерно, связанное с характеристикой деструктивных трендов, отражающих бесспорно тормозящее влияние тоталитарного режима власти на развитие отдельных отраслей знания.

Ю.Ф. Орлов, В.Ф. Турчин, Ж.А. Медведев, С.М. Поливанов, А.Н. Твердохлебов, В.Н. Чалидзе открыто и систематически выступали против профанации отдельных отраслей науки и в защиту политизированного диссидентского движения. Функционирование научной контрэлиты было сложным и противоречивым процессом, т.к. чем больше ученые включались в политические процессы, тем меньше они занимались собственно наукой. Ведущим общепризнанным лидером научной контрэлиты был трижды Герой Социалистического Труда академик А.Д. Сахаров, который внес огромный вклад в создание ядерного оружия, а позднее – в крушение советского строя. Когда академик вошел в отрывную конфронтацию с властью, против него и в поддержку государства выступила большая группа советских видных ученых, представлявших научно-политическую элиту.

Если ученые в естественных и технических науках могли проявлять себя как оппозиционную контрэлиту в основном в политическом плане, то ученые-гуманитарии направили огонь критики в области знания, примыкавшие к официозным общественным наукам – истории КПСС, политэкономии, научному коммунизму и марксистско-ленинской философии. Они могли выражать латентным образом претензии к тенденциям в советском общественном знании, не становясь активными участниками движения диссидентов. В научной среде умеренное инакомыслие имело значительное распространение, охватывало достаточно широкий круг граждан, недовольных отдельными явлениями духовной и политической жизни общества, но сохранявшие верность советскому государству.

Разница между контрэлитой и фрондой была достаточно условной и заключалась в степени открытости оппонирования руководству научной сферой и опосредованно – политическим лидерам страны. Помимо видных ученых, в фронду входили новые поколения ученых. Одним из центров фрондирующего инакомыслия был Академгородок в Новосибирске с его атмосферой свободы. А. Юрчак в книге «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение» отметил, что научные институты в 1970-е гг. стали ярким примером «зон венаходимости», в которых за фасадом легитимной профессиональной деятельности и под прикрытием формальных партийных ритуалов

¹ Интервью Ж.И. Алферова газете «Советская Россия»: Бороться и искать, найти и не сдаваться! Доступ: <https://kprf.ru/dep/76726.html> (проверено 30.08.2021).

происходили процессы эмансипации советских субъектов науки [Юрчак 2014; Хандожко].

Политическая позиция фрондирующей научной интеллигенции определялась ситуациями открытого диссидентства или создания альтернативных общественных проектов, не связанных с системой. В отношении лидеров атомного проекта партийное руководство обеспечивало материальные привилегии и определенную свободу самовыражения, рассчитывая на лояльность ведущих ученых-атомщиков. Если лидеры советских ученых заняли руководящие посты в Академии наук СССР и вошли в советскую научно-политическую элиту, то широкие слои научной интеллигенции не были оппозиционными, они были озабочены житейскими проблемами, а не проектами общественных преобразований и ценностями политической свободы. Ученые считали выполнение государственных задач по разработке всех видов вооружений совершенно необходимым процессом для защиты страны и сохранения мира. Различные круги разномыслящих ученых и локальные сообщества научных центров оказали воздействие на политику на последнем этапе существования СССР. В период горбачевской перестройки представители научной контрэлиты и фрондирующей технократической интеллигенции, прежде лояльные режиму и делавшие конвенциональные карьеры в науке, составили ядро массового демократического движения во главе с Сахаровым и «революции менеджеров» времен горбачевской перестройки.

Механизм взаимодействия научной элиты и группы инакомыслящих ученых, объективно составивших контрэлиту, заключался в первую очередь в обмене результатами интеллектуальной деятельности. Но, испытывая имманентную потребность оказывать интеллектуальное содействие прогрессивному развитию Отечества, все части научной элиты вступают не только в информационно-когнитивные, но и в широкие социально-политические контакты. Обмен политическими идеями был осложнен, т.к. в СССР осуществлялась этатистско-патерналистская модель взаимодействия элит, определяющей чертой которой явилось огосударствление научной элиты. Однако нельзя утверждать, что в СССР научная политика имела исключительно репрессивный характер. Власть использовала, с одной стороны, преследование ученых-диссидентов и давление партийно-государственного аппарата на остальных ученых в целях контроля исследований вплоть до запрета целых научных направлений. С другой стороны, государство финансировало актуальные военно-научные исследования, активно поддерживало часть научной элиты, проявлявшую безусловную верность и лояльность.

Для советского государственного сциентизма были характерны ориентация на форсированную модернизацию страны и создание ракетно-ядерного комплекса, централизованное планирование в организации науки; утилитарное отношение к научной деятельности; экстенсивный рост сети научных организаций. Это обеспечивало приоритетное развитие отраслей науки, обслуживавших народное хозяйство, особенно военно-промышленный комплекс. Но это же вызвало ограничение общественных наук, их принудительную ориентацию на легитимацию власти, приоритет научных лояльных к власти кадров, свертывание свободы исследований за пределами марксистской методологии. В основе развития советской науки находился механизм материального стимулирования и морального поощрения провластных научных элит и сотрудничества со старой дореволюционной контрэлитой и советской научной фрондой, использования по мере возможностей потенциала инакомыслящих ученых.

Нельзя утверждать, что в СССР научная политика имела исключительно репрессивный характер. Власть использовала с одной стороны, преследования

ученых-диссидентов, давление партийно-государственного аппарата для контроля научных исследований вплоть до запрета целых научных направлений. С другой стороны, государство финансировало актуальные научные исследования, активно поддерживало часть научной элиты, проявлявшую эффективность и лояльность.

Как показывает осмысление опубликованных архивных документов отдела науки ЦК КПСС и президиума Академии наук СССР¹, биографических материалов выдающихся ученых, научная элита обеспечила формирование креативного стимула развития советской субцивилизации. Функционирование имманентных особенностей развития науки в СССР было обусловлено целевыми установками развития социально-политической системы и внутренней логикой интеллектуальной элиты, обеспечивавшей готовность советской сверхдержавы к большим вызовам.

В перспективе необходимо дальнейшее изучение исторического процесса формирования государственной научной политики и общественных мнений в научном сообществе в 1922–1991 гг. Полезно более глубоко изучить политику формирования новой советской научной элиты и ее взаимоотношения со старой дореволюционной контрэлитой, с большевистской группой интеллектуалов. Важно дать объективную оценку взаимодействия провластных научных элит и фронт, в целом контрэлитного научного сообщества, определить содержание и методы советской научной политики, охарактеризовать систему организации и управления советской наукой на всех этапах истории. Актуально выяснить, как в позднем СССР и начале демократических реформ решался вопрос о сочетании интеллектуальной независимости ученых с политической свободой/несвободой. Важно понять, каким образом и в какой мере монополизация управления наукой реально повлияла на развитие научно-технического прогресса в СССР в ряде отраслей научного знания. Интересно ответить на вопрос: почему научная контрэлита, войдя во власть вместе демократической интеллигенцией, не смогла в 1990-х гг. предложить рациональные пути предотвращения катаклизмов, а в современных условиях занимает противоречивую политическую позицию. Существование научной контрэлиты является необходимым условием развития науки и общества. Решение проблемы взаимоотношений научной элиты и контрэлиты актуально и во временных условиях, т.к. в конечном счете деятельность ученых направлена не только на получение новых знаний, а на их имплементацию в народно-хозяйственный комплекс, в модернизирующуюся экономику и образование.

Список литературы

Авдулов А.Н., Кулькин А.М. 1993. Научная деятельность в России накануне распада СССР. – *Философские исследования*. № 4. С. 114–158.

Александров Д.А., Кременцев Н.Л. 1989. Опыт путеводаителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917–1950-е гг.). – *Вопросы истории естествознания и техники*. № 4. С. 67–80.

Алексеев П.В. 1987. *Революция и научная интеллигенция*. М.: Политиздат. 270 с.

Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). 1999. М.: Изд-во ИРИ РАН. 358 с.

Геллер М.С. 1990. Первое предостережение – «Удар хлыстом» (К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.). – *Вопросы философии*. № 9. С. 37–66.

¹ Академия наук в решениях Политбюро, ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991. М. 2000.

- Горобец Б. 2006. *Круг Ланаду*. М.; СПб: Летний сад. 656 с.
- Грэхэм Л. 1991. *Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе*. М.: Политиздат. 479 с.
- Зиновьев А.А. 2005. *Исповедь отщепенца*. М.: Вагриус. 554 с.
- Иванова Л.В. 1980. *Формирование советской научной интеллигенции. 1917–1927*. М.: Наука. 392 с.
- Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга*. 1994. СПб: Изд-во СПбУЭиФ. Ч. 2. Кн. 1. 115 с.
- Кислицын С.А. 1995. *Эволюция и поражение большевистской элиты*. Ростов н/Д: Изд-во НМЦ «Логос». 103 с.
- Кислицын С.А. 2013. *Научная элита в системе политической власти*. М.: Изд-во ЛКИ URSS. 288 с.
- Кислицын С.А. 2014. *Юрий Жданов. Рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым*. М.: Либроком. 212 с.
- Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. 1974. *Академия наук*. Краткий исторический очерк. М.: Наука. 522 с.
- Куликова Г.Б., Ярушкина Л.В. 1999. *Власть и интеллигенция в 20–30-е гг. – Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.)*. М.: Изд-во ИРИ РАН. С. 90–122.
- Лосик А.В., Лебедева Н.Б. 1990. *Научно-технический прогресс в СССР: упущенные возможности (середина 50-х – начало 70-х гг. – В поисках исторической истины)*. Л.: Лениздат. С. 159–174.
- Медведев Р. 2002. Из воспоминаний об академике Сахарове. – *Вестник РАН*. № 9. С. 822–836.
- Наука в СССР. Современная зарубежная историография*. 2014. М.: Изд-во ИНИОН РАН. 193 с.
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки*. 2003. СПб: Изд-во ИИЕТ РАН. 1040 с.
- Опенкин Л.А. 1990. *Сила, не ставшая революционной (Исторический опыт разработки КПСС политики в сфере науки и технического прогресса. 1917–1982)*. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 253 с.
- Примаков Е.М. 2007. *Минное поле политики*. М.: Молодая гвардия. 360 с.
- Ракитов А.И. 1993. *Конверсия, трансфер, образование. – Вуз и рынок*. Кн. 3. Ч. 1. М.: Пресс-сервис.
- Сойфер В. 2002. *Власть и наука. Раргром коммунистами генетики в СССР*. М.: ЧеРо. 1021 с.
- Социальные науки в постсоветской истории*. 2005. СПб: Академический проект. 416 с.
- Хандожко Р. *Физики как самые свободные люди в СССР*. Доступ: <https://arzamas.academy/materials/2201> (проверено 04.09.2021).
- Шноль С.Э. 2018. *Герои, злодеи и конформисты отечественной науки*. М.: Либроком. 720 с.
- Юрчак А. 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение. 664 с.
- McGrath. 2002. *Scientists, Business and the State (1890–1960)*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. x + 248 p.

KISLITSYN Sergey Alekseevich, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; Kislizins@Yandex.ru)

CHERKASOVA Tatyana Pavlovna, Dr.Sci. (Econ.), Professor; Dean of the Faculty of Political Science, South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; tpch@mail.ru)

KONDRATENKO Evgeniya Nikolaevna, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor of the Faculty of Political Science, South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70 Pushkinskaja St, Rostov-on-Don, Russia, 344002; zen2710@yandex.ru)

THE INTERACTION OF THE SCIENTIFIC ELITE, THE COUNTER-ELITE AND THE INTELLECTUAL OPPOSITION IN THE PROCESSES OF TRANSFORMATION OF SOVIET SOCIETY IN 1921–1991

Abstract. *The author reveals the features and peculiarities of the development of science in the USSR, due to the limits of the socio-political system and the internal logic of the development of the intellectual elite, which ensured the country's readiness for the challenges of the era. The study of the phenomenon of the scientific establishment of the USSR on the materials of representative biographies of scientists allows us to formulate the concepts of the scientific counter-elite and opposition, to identify their place in the scientific process at different stages of the development of the Soviet country. The mechanism of interaction between the scientific elite and groups of dissenting scientists consisted not only in the exchange of the results of intellectual activity, in joint research, in publication activity, in the creation of a total scientific capital, but also in their latent use and sometimes in direct confrontation. The activities of the stratum of old-regime scientists, the formation of the Bolshevik intellectual opposition, the emergence of the dissident counter-elite and the opposition of scientists of the post-war period are associated with political transformations in the USSR. The task of the state modernization was carried out with a temporary restriction of the creativity freedom of the leaders of the scientific counter-elite until their isolation. The state funded current research, actively supported the main part of the scientific elite, which showed loyalty and efficiency. During the perestroika period, representatives of the scientific counter-elite and the opposition formed the core of the mass democratic movement and the declared the «revolution of managers».*

Keywords: *elite, counter-elite, opposition, elitogenesis in science, creative intelligentsia, political history, science studies*
